

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

16+

ПАЦАНЫ-ПАЦАНКИ

Евгений Бузни
Пацаны-пацанки

«Автор»

2018

Бузни Е. Н.

Пацаны-пацанки / Е. Н. Бузни — «Автор», 2018

Эта повесть рассказывает о совсем молодых людях, ещё школьниках, которые не могут оставаться равнодушными к недостаткам нашей жизни и вступают в борьбу с ними, создав организацию нравственных патрулей. Не всё сразу получается, но юность неукротима, она хочет действовать и добиваться своего. Ей хочется жить на Земле, принося пользу. И она так живёт.

© Бузни Е. Н., 2018

© Автор, 2018

Драка

– Ну, ты, ирокез, раскрой глаза, встань! Уступи женщине место.

– Ты чё, по балде стукнутый? Или хочешь, чтоб стукнули? Может, тебе профиль давно не редактировали? Так это завсегда, пожалуйста.

Сидевший на сидении длинноногий парень с узкой головой, обрамлённой на макушке гребешком волос, создававшим голове ещё большую узость, оттопырил губу и округлил раскрывшиеся в удивлении глаза. Гладкая выбритость головы вокруг торчащих гребешком волос, покрашенных почему-то в синий цвет, плавно переходила в шею, отчего та казалась ещё тоньше и длинней. Эту её вытянутость спасал белый отложной воротник такой же белоснежной рубашки, аккуратно лежавший на красной жилетке с каким-то металлическим отливом, так что она могла показаться издали неким бронезилетом, хотя на самом деле была, скорее всего, пошита из синтетического кожзаменителя. Чёрные из такого же материала брюки, заправленные в высокие до колен сапоги с висящими на них металлическими цепочками, довершали контрастный костюм.

Выражение «редактировать профиль» могло быть непонятным для убелённых сединами пенсионеров, да и людям более молодого возраста, не привыкшим постигать сходу новый быстро меняющийся молодёжный сленг, но напротив парня, названного ирокезом, стоял крепко-настойный крепыш лет шестнадцати в бейсболке, под которой явно выдавались развитые мышцы широкой груди. Рукава майки с изображением московского кремля казались тесными для выкатывающихся из-под них бицепсов. Фигура молодого человека, рост которого, очевидно, ещё не завершился, была явно спортивного характера. И твёрдый, даже несколько жестковатый голос показывал, что обладатель его чувствует свою силу и прекрасно знаком со значением слов о редактировании профиля, под которыми прятался довольно грубый смысл, выражавшийся раньше однозначным выражением «набить морду». Он понял и потому твёрдо произнёс:

– Я сказал: встань и уступи место женщине.

– Она что, беременная? А ты чеканутый. Вали отсюда! – послышалось в ответ, и расставленные в стороны длинные ноги развалившегося ирокеза раздвинулись было ещё больше, но натолкнулись на ноги соседей. С одной стороны это была полная представительного вида дама, занимавшая собой в лучшем случае полтора нормальных места, а с другой старичок с бородкой клинышком и интеллигентной палочкой, на изогнутой верхушке которой покоились его обе руки.

Рядом с крепышом, потребовавшим освободить место, стояла пассажирка, которая тут же вмешалась в разговор юношей:

– Нет, я не беременная. Типун вам на язык, молодой человек. Мне уже семьдесят пять годков, но я ещё могу и постоять. Ничего такого. Я никогда и не была беременной. А сейчас ведь не принято уступать места. Да я бодрая ещё. Держусь на ногах хорошо.

Именно в этот момент поезд выскочил из туннеля метро на открытое пространство, и то ли по неопытности машиниста, то ли потому, что это был последний вагон, но он задёргался и слегка закачался из стороны в сторону. Стоявшие довольно плотно пассажиры покрепче ухватились за поручни над головами, чтобы не упасть, а маленькая седовласая женщина, уверявшая только что в своей устойчивости, по причине маленького роста не могла дотянуться до поручней и вынуждена была вцепиться рукой в соседа, желавшего её усадить.

Видимо, это оказалось решающим аргументом для крепыша. Без лишних слов он ухватил долговязого парня за петушиный хохол, резко пригнул голову к его же колену до полного соприкосновения и затем буквально вытащил всё тело, которое с неожиданным воплем потянулось за волосами и вынуждено было встать и распрямиться, так как крепыш поднял руку с зажатым гребнем волос вверх.

– И-и-и... Пусти, гад! – тонким голосом завопил ирокез, хватаясь обеими руками за удерживающую его волосы руку противника.

Дальше последовала нецензурная брань, что ещё больше разозлило крепыша и он левой свободной рукой, сжатой в кулак, слегка пристукнул нос «ирокеза».

Всё произошло настолько быстро, что поезд не успел проехать и половину Автозаводского моста. За окнами виднелась анфилада высотных домов на одном берегу и зелёный массив деревьев противоположного берега Москва реки. Параллельно поезду по проспекту Андропова мчались торопливо машины, но движение их казалось несколько замедленным, если они шли в ту же сторону, что и поезд. Зато встречные пролетали пулей. В окна вагона ворвались лучи летнего солнца. Оно только что выскользнуло из-за маленького пушистого, как котёнок, облака и мгновенно залило весь вагон ярким ослепляющим светом, что не позволило сразу заметить сползавшие из разбитого носа капли крови. То ли крепыш несколько не рассчитал силу удара привычного боксёрского кулака, то ли нос «ирокеза» оказался слишком слабым, но он расквасился.

– Садитесь, пожалуйста. Вам уступили место, – несколько насмешливым тоном сказал крепыш, оборачиваясь к женщине рядом. Но та заметила кровь на лице несчастного «ирокеза» и запричитала:

– Погодь-погодь, ты же ему нос расквасил. За что ж ты его так? Да я и не хочу садиться. Да мне и выходить через три остановки. Пусть сидит себе. Ему платок нужен – сейчас...

Но её прервал голос деда, сидевшего с палкой. Он только что очнулся от своих мыслей и, не вполне понимая, кто кого бьёт, сердито закричал:

– А ну, хулиганьё, прекратите бузить! Сейчас клюкой огрею каждого, – и он даже поднял палку перед собой, готовый исполнить свою угрозу.

Рядом с ним у самой входной двери сидела девица лет двадцати. На ногах что-то вроде босоножек на высоком каблуке, состоящих собственно из подошвы и шнурков, обнимавших ступни. Ухоженные пальцы обращали на себя внимание ярким розовым маникюром. Икры ног словно аккуратно выточены опытным мастером. Колени открыты настолько, что, если бы не игровой планшетник на ногах, то короткая юбка, пожалуй, не в состоянии была бы скрыть неприличность. Глубокий, чуть не до пояса вырез на лёгкой летней блузке вполне соответствовал размеру юбки. То есть всё от ногтей на руках и ногах, до огромных непонятного металла колец в ушах и крупных агатовых бус на груди складывалось в единый стиль яркой красавицы, губы которой, кстати, были того же цвета, что и ногти. Длинные каштановые волосы были откинута за спину, чтобы не мешали играть. На экране планшетника, по которому девушка увлечённо водила указательным пальцем с накладным розовым в крапинку ногтем, перемещались фантастические фигурки инопланетян или других чудовищ. Ни вопль, ни разговор, который происходил рядом, девушка, казалось, не замечала. Только когда сосед поднял возмущённо палку, задев её каким-то образом, она недовольно воскликнула:

– Дед, не шебуршись. Дались тебе эти пацаны. Дерутся и ладно. Ты-то чего встречаешь? Мешаешь играть. Они сами разберутся, – и опустила вновь глаза на экран планшетника.

Но вообще, дорогой читатель, если вы когда-нибудь видели событие, напоминающее драку, в поезде метро, то замечали, наверное, как место такого действия внезапно расчищается, поскольку стоящие рядом пассажиры в первый момент начала драки отшатываются в стороны, как бы ни был загружен вагон., потому что дерущиеся в слепой ярости и совершенно случайно вполне могут зацепить тех, кто оказался поблизости. Так было и в этом случае – стоявшие в проходе пассажиры раздались в разные стороны, оставив в центре двух парней да женщину из-за которой и произошёл весь сыр-бор. Отскочившие с ойконьем от места происшествия молодые девчонки, перед этим весело щебетавшие о чём-то, теперь открыли обзор двум пожилым мужчинам, занятым своими мужскими разговорами, но тут быстро оценили обстановку и вскочили на ноги, став между дерущимися со словами:

– Эгей, парни, прекратите! Не на базаре всё-таки.

Они очень вовремя поднялись, ибо «ирокез», заметив капающую из носа кровь, достал из кармана брюк платок, прижал его к носу, крича при этом:

– Ах ты, гнида, я из тебя сейчас котлету буду делать!

– Охолонь, паря, – громко сказал один из вставших мужиков и грудью преградил дорогу рвущемуся в драку «ирокезу». – Хочешь драться, выходи на улицу. Здесь не место для разборок. Сейчас будет остановка, и вымётывайтесь отсюда!

Говоривший это был в неброской рубахе навыпуск тёмно-синего цвета с короткими рукавами, легко сидящей на жилистом мускулистом теле. По морщинистому успевшему подзагореть лицу и почти таким же морщинистым рукам можно было сразу понять, что человек занимается физическим трудом. И хоть ростом он не догонял «ирокеза», но не трудно было догадаться, что сталкиваться с ним возбуждённому юноше, по меньшей мере, не разумно. Сильные руки рабочего ухватили бунтаря и удерживали его на месте.

Второй мужчина, что встал с первым, видимо тоже был из числа рабочих, но силу применять ему не пришлось, так как крепыш никуда не рвался, а всё пытался усадить женщину на освободившееся место, уговаривая:

– Что я зря его стаскивал? Садитесь, пожалуйста.

Та, наконец, села. Поезд проносился мимо зданий торгового центра. Промелькнули огромные рекламные надписи, и снова усилился грохот колёс при въезде в туннель. В дальнем конце вагона молодой человек с большущей сумкой через плечо, только что пытавшийся продемонстрировать продаваемые им фонарики, что пришлось прервать из-за шумной драки, огорчённо прятал содержимое своего бизнеса. Поезд подкатывал к перрону, на котором, как ни странно, уже стояли трое полицейских. Оказывается, сообразительная пассажирка успела нажать кнопку разговора с машинистом поезда и сообщила о драке в последнем вагоне. Информация тут же была передана на станцию.

Кибергот в ловушке

Два хрупких на вид паренька в форме рядовых милиции, или, как теперь её называли, полиции с дубинками по бокам, по всей вероятности недавно из спецшколы, быстро вошли в вагон вслед за своим старшим. Им был прапорщик высокого роста, широкий в плечах и уверенный в действиях. Быстро глянув по сторонам, он сразу обнаружил подталкиваемого сзади к выходу «ирокеза» с носовым платком у носа и очутившегося почти рядом с ним крепыша, тоже подталкиваемого мужчиной солидного возраста.

– Это что ли драчуны? – спросил прапорщик, окинув подростков едва ли не презрительным взглядом.

– Они, товарищ милиционер, они самые. Только один не виноват – затараторила, было, вскочившая со своего места седовласая женщина. И я...

Прапорщик не стал слушать, коротко бросив:

– Мы полицейские, – и, обращаясь к юношам, скомандовал, – выходим. Там разберёмся.

Так что задержки поезда не произошло. Проследовали к эскалатору. Впереди прапорщик и один из полицейских, за ними задержанные парни и ещё один полицейский. Так и поднимались наверх, где сразу свернули в маленькую дежурку.

За небольшим письменным столом сидел почтенного возраста майор. Глаза кажутся уставшими. Повидали на своём веку достаточно. Но выправка сохранилась. На пагонах по одной звёздочке. В таком возрасте, когда пора уж на пенсию, имеют иные уже по две, а то и три звезды. Но в Москве дослужиться до полковника не каждому майору удаётся. Тут дело не только в служебном рвении и деловых качествах. Претендентов на должность повыше слишком много. Часто побеждает не сам претендент, а то, какие у него родители или иные связи. Майор хорошо знал популярный среди военного люда анекдот, когда сын спрашивает отца генерала:

– Папа, я буду лейтенантом?

- Будешь, сынок.
- А капитаном?
- Будешь, конечно.
- А полковником?
- Будешь, сын, будешь.
- А генералом буду_
- И генералом будешь, малыш. Не волнуйся.
- Так я и маршалом буду, папа?
- Э-э, нет, сынуля. Маршалом ты не будешь.
- Почему, папа? Хочу быть маршалом.
- Нет, не будешь, потому что у маршалов свои сыновья есть.

Майор прибыл на Автозаводскую с обычной инспекторской проверкой, как тут же поступил сигнал о происшествии.

– Ничего особенного, товарищ майор, – доложил слегка вытянувшись прапорщик. – Мелюзга шалит.

– Ну, всё равно будем разбираться. Зафиксируем хотя бы. Сажай мелкоту на стулья. Опять мне ими приходится заниматься. Двадцать лет детской комнатой милиции заведовал. Молодёжь, как была сорванцами, так и осталась. Сейчас, правда, больше кражи да разбои, а так, чтобы драки в общественном месте – это пореже стало. – И обращаясь к «ирокезу», спросил:

– Так что, петушок-орлиный глаз, нос не уберёт? Сам ударился или кто помог?

– Ни чё, господин майор, – проговорил спокойно «ирокез» отнимая платок от носа, – свидетелей-то сюда не привели. А что мы оба врать будем, то какой смысл? Кому из нас верить? Отпустите нас, мы сами разберёмся.

– А ты, я смотрю, хорош гусь, – рассерженным голосом проговорил майор. – Я, брат, старой ещё закалки и к господскому отношению не привык. Панк несчастный будет меня господином звать.

– Я не панк, – мрачно буркнул парень с хохолком. – Я кибергот.

– Что ты говоришь? А то я не догадался по виду? Мне по должности положено знать вашу субкультуру. Конечно гот. Это твои дружки съели девушку в Петербурге?

Майор, конечно, имел в виду широко освещавшуюся в прессе и по телевидению историю с шестнадцатилетней Кариной Будучан из Санкт-Петербурга, мечтавшей стать журналисткой, которую лидер музыкальной группы Максим Бловацких и его друг Юрий Магнов, увлекавшиеся готической субкультурой, в крещение 19 января убили и съели.

– Никого они не ели. А если и было, так поделом ей. Парни проявили свою уникальность.

– Ишь ты какой! Я вот тебя сейчас посажу на пятнадцать суток, там порассуждаешь, кого можно есть, а кого нет. Там тебе дружки за решёткой покажут каждый свою уникальность так, что тошно станет.

– За что меня? Не имеете право.

– Права у меня есть. Ты учинил драку в общественном месте. За нарушение общественного спокойствия и получишь по всей строгости.

– Это не я. Это он дрался, – выкрикнул кибергот, указывая на крепыша, сидевшего молча на стуле.

– До него дойдём, не волнуйся. А ты пока назови мне свою фамилию... имя... отчество... адрес... где работаешь или учишься... – Майор говорил с расстановкой, делая паузу почти после каждого слова, подчёркивая значимость любой информации.

Из ответа стало ясно, что парня зовут Владлен, школу он закончил, но нигде не работает.

– Документ с собой есть?

– Нет, конечно. На кой он мне?

– А почему не работаешь? – поинтересовался майор.

– Нет необходимости. Пусть рабы работают.

– Во как! – изумился полицейский. – Но я так и думал. Будь сейчас советская власть, я бы тебе припаял срок за тунеядство. Жаль ушло это время.

– Бодливой корове бог рог не даёт, – усмехнувшись, ответил Владлен.

– А ты не торопись, щенок, с выводами. И не зли меня.

– Ничего вы мне не сделаете. У вас нет свидетелей.

В это время в дверь постучали и вошла дежурная эскалаторов.

– Товарищ майор, – проговорила она извиняющимся голосом, – тут мужик стоит, не решается войти. Пришёл со всей группой, да остался позади. Ждать ему, али нет?

– Ну, пусть войдёт. Кто такой?

В комнату вошёл мужчина, который удерживал в вагоне «ирокеза» и, слегка волнуясь, стал сбивчиво говорить:

– Мы тут стоим, понимаете. Вдруг, думаем, нужны будем. А то пришли вместе с пацанами. Я разнимал их. Ну, может, как говорится, нужен зачем буду. Вот и стою. Попросил вахтёршу подсказать вам. Если не нужен, уйду. Дела тоже есть.

– О! – обрадовался майор, – вот и свидетель есть. Сейчас протокол составим и всех впишем. Всё будет чин по чину. А ты, Владлен, переживал, что без свидетелей.

– Так я с товарищем, – добавил вошедший, – только он вышел за двери покурить. Я, как понимаете, не курящий сам.

– Прапорщик, сходите вместе, пригласите второго свидетеля.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Двое вышли, а майор, пользуясь возникшей паузой, спросил дружелюбным тоном:

– Ты, гипер, объясни мне, что ты хочешь. В чём твоя философия безработного человека.

– А вы и не поймёте. Мы своим видом выступаем против серости мира, в котором все люди, как из мясорубки мясные червячки – все одинаковые. Работают, получают зарплату, идут в магазин. Оделись, наелись и спать. А мы считаем, что каждый человек исключительно индивидуален. Я поставил на голову ирокез и стал непохож на других. Пусть мне подражают, кто хочет.

– Ха-ха-ха!

Это смеялся молчавший до сих пор крепыш.

– Вот ты и прокололся, тюфяк. В чём же будет индивидуальность каждого, если они начнут подражать тебе? Ведь и ты не сам придумал свой ирокез. И ты подражаешь кому-то. Все никогда не смогут быть уникальными. Зато поговорка «С волками жить – по-волчьи выть» является старинной народной мудростью, с которой никто не поспорит.

– Но наша одежда – это не всё, – неуверенно возразил Владлен. – Дело в том, что у нас особый дух борьбы за справедливость. Мы переживаем за несовершенство мира. Мы хотим его переделать, сделать не таким серым, чтобы он был ярким. Мы хотим действовать нестандартно.

– Вот те на, – изумился крепыш. – Ты развалился на сидении в вагоне, не желая уступить место пожилой женщине, едва стоявшей на ногах. И это считаешь борьбой за справедливость? Это твоё нестандартное решение? В этом твоя яркость? Да тебя мало утюгом по голове трахнуть, чтоб ты понял, как себя вести в обществе.

Майор, не вмешиваясь, с интересом наблюдал за спором двух молодых людей. В этот момент вошли два свидетеля и прапорщик.

– Так-так, – произнёс майор, – представьтесь, пожалуйста, мы запишем вас, и расскажите, что вы видели, как разворачивалась драка в вагоне.

Рассказ обоих мужиков начинался с того, как они услышали нецензурную брань.

– Вы ж понимаете, товарищ майор, что мы мужики и сами любим мат перемат, когда требуется, но не в поезде же да при женщинах. А там и молодые девчонки стояли. Как же можно? – спрашивал один.

– А тут кто-то завопил. Ну, мы вскочили. – Рассказывал другой. – Я вижу, что этот с петушиным хохолком платком нос утирает и готов кинуться на другого. Стал поперёк дороги, а он так и рвётся в бой. Пришлось схватить за бока да подержать до остановки и вытолкнуть на ваших ребят. Если бы ваши не подошли, я бы всё равно его выкинул из вагона.

– Значит, этот юноша с ирокезными волосами рвался в бой? – уточняюще спросил майор, – я правильно вас понял?

– Ну, конечно. И помню, что он угрожал другому котлету из него сделать. Я бы сам из этого петуха отбивную сделал, да жаль юнца. Не оперился ещё.

Майор посмотрел на крепыша, уставившегося в пол взглядом и спросил:

– Ну а этот второй, я ещё не узнал его имени, что делал?

На этот вопрос отвечал другой мужчина:

– Так он что же? Я думал его удерживать, а он никуда и не рвался, а уговаривал старушку сесть на освободившееся место.

– А кто кого первый ударил, вы видели?

– Честно скажу, что чего не видели, того не видели. Мы разговаривали о своих делах. А потом уж вмешались, когда люди расступились.

Майор поднялся из-за стола, глянул на сидевшего рядом сержанта, записывавшего всё, что следовало внести в протокол, и сказал удручённым голосом:

– Вот и выходит, дорогой Владлен, что в драке в основном обвиняют тебя. Кстати, кто из вас матерился?

– Выругался-то я, – вырвалось изо рта Владлена, – но ударил...

Он не успел договорить, как майор его прервал:

– Сам, стало быть, признаёшь, что и выражался нецензурно в общественном месте. Так тебе знаешь, сколько припаять можно со свидетелями и собственным признанием? Тут тебе и будет борьба за справедливость. И на этом закончим, пожалуй. Я тебя сейчас отпускаю. Задерживать не хочу. Если надо будет в суд, вызовем. Во всяком случае, на контроле держать будем. А свидетелям спасибо. Все свободны. Только ты, паренёк, – и он повернулся к крепышу, – останься ещё немного. Мы не записали твои данные для протокола.

Профессор

– А теперь давай поговорим с тобой, – сказал майор, снова усаживаясь за стол, когда свидетели и Владлен покинули комнату. – Я не стал при всех тебя расспрашивать – майор умышленно избежал слова «допрашивать» – поскольку и так понятно, что врезал этому чучело ты, а не он тебе. Ты, как я понимаю, боксёр?

Крепыш кивнул головой.

– Значит, угадал. Ну, и я решил отправить его отсюда раньше тебя, чтобы вы часом не подрались опять. Дальше поступим так. Во-первых, скажи, как тебя зовут, где живёшь, чем занимаешься. Словом, дуй всё о себе и почему ты попал в эту передрыгу. Нам протокол надо заканчивать.

Крепыш откашлялся, будто готовясь к торжественной речи. На щеках его круглого лица почти по центру появились две ямочки, губы лишь чуть-чуть растянулись в сторону, будто собираясь улыбнуться, но не улыбнулись. Брови поднялись, и вместе с ними поднялась правая рука, указательный палец которой распрямился в указующий жест. Всё вместе это создавало комическую картинку, и столь же комично прозвучали слова:

– Меня все называют профессором.

– Как? Профессором? – переспросил майор. – Может, уж сразу академиком? Чего мелочиться? – И затем уж как-то раздражённо потребовал:

– Давай ты не будешь мне голову морочить. Говори нормально. Не вносить же нам в протокол, что ты в свои пятнадцать лет профессор.

– Мне не пятнадцать, а уже шестнадцать, – поправил крепыш и продолжил, по-прежнему держа указательный палец вверх: – Действительно меня почти все зовут профессором, хотя на самом деле моё имя Владимир, а так как моего папу зовут Илья, то, с вашего позволения, меня правильно было бы звать Владимир Ильич по фамилии Левый. Мой отец, как и я, а точнее я, как и мой отец, то есть мы оба придерживаемся левых взглядов, поэтому, если вы по ошибке запишете мою фамилию Ленин, то по смыслу будет правильно, хотя по форме произойдёт ошибка.

– Слушай, ты и правда настоящий профессор – такие предложения закручиваешь, – восхитился майор. – Я ещё во время вашего спора с петухом обратил внимание на то, как ты быстро ухватил, что этот кибергот сам себе противоречит. Ну-ну, продолжай. Извини, что прервал научную речь. Только палец опусти, пожалуйста, а то я стал чувствовать себя учеником первого класса перед учителем. Он как бы хотел сказать: «Я не называю себя профессором, но и мы не лыком шиты».

Да, майор явно был не промах и знал, как разговаривать с разного рода подростками так, чтобы и не обидеть и в то же время дать понять, что перед ними сидят не абы кто.

Владимир понял, опустил руку и говорил дальше уже без пафоса учёного человека, перейдя на нормальную мальчишескую тональность:

– Понимаете, мы почти всем классом стали энпэшниками.

– Кем-кем? – не понял майор.

– Эн... – Владимир выдержал паузу и закончил, бросая окончание как круглый мяч, – пэшники. – и пояснил: – такая у нас организация Эн Пэ, что расшифровывается как «нравственный патруль».

– Объяснишь для протокола?

Владимир рассмеялся:

– Ну, разве что для протокола, – и начал рассказывать не всё, конечно, а только некоторые моменты, хотя история пусть только шестнадцатилетнего паренька была длинной. Так ведь кажется любому молодому человеку. Это старички думают, что жизнь быстро пролетела, а в юном возрасте ох, как долго она тянется: то не дождёшься, когда каникулы начнутся, то когда школу кончишь, то армейская служба. Когда всё впереди и всего хочется, время тянется, а когда уже ничего не ожидаешь, вроде бы ничем не занят, а время просто пулей летит.

Родился Володя в конце девяностых в новой России. Родителям его тогда было по тридцать. Свою молодость они прожили в советское время и успели побывать пионерами, комсомольцами и даже коммунистами. Им нравилось это время и потому воспитывали они сына в то, что называется, социалистическом духе. А мальчуган всех стал поражать с самого раннего возраста своими глубокомысленными рассуждениями, потому его даже в детском саду прозвали в шутку профессором. Потом эта кличка приклеилась к нему и в школе. Может быть, это объяснялось тем, что оба родителя мальчика работали преподавателями в вузе. Может, гены философские передались от деда. Да дело, право же, не в том, чьи зёрна проросли в ребёнке. Пусть родители восхищаются или сокрушаются по такому поводу, да исследователи, если сочтут нужным, копаются в причинах переплетений судьбы. Для остальных самым существенным является то, что дадут эти зёрна, каков урожай на вкус. А вкус урожая зависит не только от того, какие гены, но и от мастерства выращивания, от специалистов.

– Наш десятый «А» класс очень дружный, – говорил Владимир. – Мы все любим пофилософствовать. Половина класса живёт в одном доме. Он у нас высотный да из нескольких секций, словно парус у реки раскинулся. И мы иногда собираемся на набережной погонять на роликовых коньках или просто поболтать на скамейке. Сейчас-то мы закончили десятый класс, осенью пойдём в одиннадцатый, а в конце года к нам пришёл неожиданно новый преподаватель

литературы. Пожилой, с совершенно седой головой. На лице очки в большой роговой оправе. Он, когда вошёл в класс, сразу представился: «Николай Гаврилович» и спросил «Это имя вам о чём-нибудь говорит?» Нам оно ни о чём не говорило. Такого имени мы не слышали. Тогда он торжественно провозгласил «Так звали великого русского писателя и публициста Чернышевского». Мы все, как говорится, выпали в осадок, потому что ничего о нём не знали. Тогда этот Николай Гаврилович почесал затылок, раздумывая, подошёл к доске и написал несколько предложений, сказав: «Вот четыре темы». Я хочу с вами познакомиться, и прошу для этого написать сочинения по одной из этих тем. Вы же умеете это делать?» Разумеется, мы писали сочинения, но что это за темы он предложил? Мы, можно сказать, опять выпали в осадок. Эти темы и сейчас стоят у меня перед глазами. «Как я был (была) маленьким (маленькой)», «Мой идеальный мужчина» (для девочек), «Моя идеальная женщина» (для мальчиков), «Чего я хочу в этой жизни?» Полный отпад. Такого мы никогда не видели, но стали писать, кто что захотел.

Владимир не стал, да и не мог рассказать подробно, как это было, а произошло потом вот что. На следующем уроке Николай Гаврилович, объявил, что с помощью сочинений проведёт в классе диспут. Он, не называя авторов, начал читать сочинения и после каждого просил ребят комментировать услышанное. В первом одна девочка рассказывала, как она была маленькой.

«Я родилась! Помню, был тогда год девяносто шестой, непростые времена. Я плачу навзрыд и хочу обратно к маме, а если быть точнее, то в маму. Ворчливые тётки смотрят на меня, их морщинки на лбу потихоньку разглаживаются, а губы, кажется, улыбаются. Да, точно, они улыбаются. Улыбаются мне. Конечно, разве можно смотреть на такую кроху, как я, без удовольствия? И вот я вижу её. Я сразу узнаю, так мне нравилось быть у неё внутри. И внешне она тоже ничего, даже очень ничего. Нет, она просто прекрасна – моя мама».

После первых прочитанных строк класс разразился хохотом, так что Николаю Гавриловичу пришлось выждать некоторое время, пока все успокоится. А после слов о том, что мама прекрасна, в классе стояла тишина. Дальше шло описание нескольких эпизодов детских шалостей и заканчивалось словами:

«Детство моё, в общем, прошло прекрасно. Я была окружена любовью и заботой обо мне. Бывало, что и наказывали, и ремня отхватить успела. Распускаться не давали. Но это, мне кажется, необходимые мелочи, а в остальном всё было волшебным!»

Трудно было не догадаться, кто написал это сочинение. Самая маленькая Вера сидела на последней парте вся красная от смущения. И все, конечно, посмотрели на неё, но комментировать первым никто не решался.

– Ну что же вы, – улыбаясь, спросил Николай Гаврилович, – будете говорить? Я понимаю, что начать трудно.

– Короче, пусть Проф начинает, – буркнул Фёдор, сидевший рядом с красавицей Аней.

– Кто это Проф? Удивился учитель.

– Проф это я, сокращённо от слова «профессор». Прозвище такое, – невозмутимо сказал Володя и поднялся. – Замечательное сочинение, по моему мнению. Особенно начало. Я думаю, Вера может стать писателем. А главное искренно. Для писателя это очень важно. Только вот ремнём её не надо было бить. Я думаю, это неправильно. Меня никогда не били, и я хуже от этого не стал.

Класс дружно загудел.

– Я так понял, что все согласны с мнением вашего профессора. Тогда позвольте зачитать другое сочинение на тему «Чего я хочу в этой жизни?» Прошу быть внимательными, и Николай Гаврилович начал:

«Невероятно, но факт – в шестнадцать лет при вполне нормальном умственном развитии я не знаю многих элементарных вещей, например, таких как таблица умножения или некоторые правила русской грамматики. Скажу больше – я и не собираюсь восполнять эти

пробелы моего знания, пока в этом не появится острая необходимость. За всю мою сознательную жизнь такая необходимость возникала только перед экзаменами, после сдачи которых, я не помнил ничего из того, что учил. А зачем мне хранить в голове тонны мёртвой информации, если есть компьютеры с гигантской памятью. Заходи и находи, что нужно. Но дело даже не в этом, а в том, что я не желаю делать то, что мне не хочется. Терпеть не могу всякие теории. Потому люблю поспать на парте, повеселиться во время урока. Вообще школа учит приспособленчеству, а я хочу делать только то, что хочу.

Люблю играть в футбол. И неплохо играю. А как я добился этого? Три года назад я пришёл в детско-юношескую спортивную школу «Динамо». Мне прекрасно было известно, что тринадцатилетний пацан без начального футбольного образования не нужен даже самой бездарной команде, потому что футболистов начинают воспитывать с шести лет. Я знал это и что с того? В наглой и совершенно несвойственной мне манере я пришёл в раздевалку и, не говоря ни слова, начал шнуровать бутсы. Тренер был в бешенстве. А я, дождавшись окончания его гневной тирады по поводу того, что у него так тридцать пацанов и он не потерпит бардака в команде, заявил, что хочу тренироваться и всё. Тренер долго ещё ругался матом, но всё же поставил меня на левый фланг полузащиты. Так я стал футболистом.

У этой истории нет ровным счётом никакой морали, но она показывает, что надо уметь добиваться, чего хочешь. Только моё желание может меня заставить что-то делать. А для таблицы умножения существует калькулятор».

Как только чтение закончилось, в классе сразу поднялось несколько рук. Почти всем захотелось высказаться.

Выше всех тянула руку отличница Таня. Это была высокая худенькая всегда аккуратно одетая девочка с длинной, но не очень толстой косой. Кроме того она носила очки, придававшие её лицу учёность.

Николай Гаврилович кивнул ей, и она запальчиво прокричала тонким голосом:

– Это всё написал Федька. И написал глупость. Он не хочет учить таблицу умножения, потому что есть калькуляторы. Тогда ему и географию учить не надо, как Митрофанушке из «Недоросля», так как в любое место доставят самолётом, поездом, такси. Но как ты не понимаешь, Федя, что таблицу умножения учат не только для того, чтобы вычислять в уме, а и для общего развития мозгов. Мы многое учим из того, что, может быть, никогда не пригодится в нашей жизни, но потому наше образование и называется общим, что оно даёт общие знания для общего развития.

Девочка села возмущённая. Поднялась толстوشечка Люда.

– Конечно, с таблицей умножения Федя как бы загнул. Но он очень правильно написал, что нужно как бы уметь добиваться своего. Не хотел тренер брать его в команду, а взял. И раз он теперь как бы играет в команде, значит, приносит ей пользу, если команда как бы выигрывает.

– погоди! – остановил горячившуюся девочку Николай Гаврилович. – Ты уже несколько раз сказала «как бы». На самом деле этого нет, что ли?

– Чего нет?

– Ну, ты сказала, что нужно как бы, – Николай Гаврилович сделал упор на словах «как бы», – уметь добиваться своего. Как бы – это слова условности. То есть на самом деле добиваться своего не надо, по-твоему?

– Почему? Надо. Я же говорю.

– Но ты употребляешь при этом «как бы», что неправильно. Это плохая привычка говорить лишние слова. Она делает речь неграмотной. Если, как ты говоришь, Федина команда как бы выигрывает, то это означает, что она на самом деле проигрывает, и в таком случае пользы от участия Фёдора нет.

– Неправильно. Польза от него есть. Это я знаю точно. Плохо только, что с таким подходом к образованию, как у него, наши футболисты часто бывают безграмотными, а им ведь тоже как бы...

Люда остановилась. Вздохнула глубоко, говоря:

– Ой, извините. Привычка. Я хотела сказать, что футболистам тоже нужен интеллект. И что ты, Федя, будешь делать потом? Не вечно же будешь играть в футбол?

– Я, короче, тренером стану.

– И будешь воспитывать таких же неграмотных игроков?

– Мячу грамота моя не нужна. Тут важна скорость ног, короче, техника и сообразительность.

– Вот именно сообразительность, – обрадовалась Люда и даже хлопнула в ладоши. – А откуда она сообразительность? От интеллекта. А интеллект сам не рождается. Чем больше знаний, тем выше интеллект.

– Ну, я с твоим интеллектом могу ещё поспорить, – саркастически ответил Фёдор.

– Пospорь-пospорь. Тебя ещё могут в одиннадцатый класс не перевести, если вообще не выгонят.

– Разбежалась. А кто будет тогда честь школы по футболу отстаивать?

– Всё, хватит, – вмешался Николай Гаврилович, – Прочитанное сочинение, к сожалению, изобилует таким количеством грамматических ошибок, что просто диву даёшься. Но к этому разговору мы вернёмся позже, а сейчас послушайте работу об идеальном мужчине.

До этого учитель стоял, внимательно наблюдая за реакцией учеников. Теперь он сел за стол, взял очередную тетрадку из стопки, открыл. Читал он выразительно и, если так можно выразиться, с поэтическими интонациями в голосе.

«Мне ещё шестнадцать. А, может даже, уже шестнадцать. В этом возрасте иногда выходят замуж. Я, правда, не собираюсь пока. Нужно окончить школу, потом институт. Но какая же девчонка не думает о своём принце? Какая не смотрит на мальчиков оценивающе? Вот и я иногда думаю о своём идеальном мужчине. Но бывают ли такие? Идеального мужчину можно найти на страницах газет или в интернете по объявлению. Но каким он должен быть? Уж, конечно, не таким как мой сосед по квартире Шурка. Вечно лезет со своей заботой ко мне и всякими пустяками.

Нет, мне нужен настоящий мужчина, который за меня в огонь и в воду. Читайте объявление: «Умный мужчина, средних лет, кандидат экономических наук». Класс! То, что надо. Он будет помогать нашему будущему ребёнку с уроками. Да и экономить меня научит. А то я беру у папы деньги, покупаю всякое барахло и не знаю, куда его потом девать. Купила на днях красивые чашки. А у нас их полно дома. Потом решила, что и блюда к ним надо. Купила. Увидела и ложечки чайные в тон. Также взяла. А куда ставить их, если сервант заставлен сервизами? А был бы рядом со мной кандидат экономических наук, я, возможно, ограничилась бы покупкой только какой-нибудь безделушки. А ещё он следил бы за мной, чтобы я не ела много сладостей. Потянется моя рука к пирожному, а он бац по ней! – Не ешь. Сахар – яд. Ах, это уже перебор. Никакой даже самый умный кандидат самых, что ни на и есть умных наук, не заставит меня отказаться от вкусенького «вредного» кусочка торта или моих любимых пьшшек. Лучшие посмотрю другое объявление. «Высокий, красивый брюнет с голубыми глазами». Как заманчиво! Неужели такие бывают в жизни, а не только в глянцевых журналах? Вдруг он будет моим? Да подружки лопнут от зависти. Буду идти с ним под руку, а все девчонки прилипнут к нему глазами. О, нет-нет, этого-то мне не надо. Такого одного не оставишь – обязательно кто-то соблазнит, а потом кукуй одна, пока он гуляет.

Но вот ещё объявление. «Богатый умный мужчина без вредных привычек». Ура! Кажется, нашла. Здорово быть богатой. У меня будет куча, нет, две огромные кучи денег. Я смогу себе позволить обедать в Милане, ужинать в Париже, а причёску делать в Лондоне.

Что там ещё делают богатые? Фитнес в клубе, загар в солярии, подтяжки живота, бёдер, лица?

Ой, что-то меня затошнило. Я люблю ужинать у себя в комнате перед телевизором, довольствуясь жареными котлетами, картофелем пюре и сладкими сырниками. Подтяжки кожи мне не нужны, фитнес не люблю, солярий вовсе вреден. Нет, это всё не для меня.

А что если самой написать объявление? Познакомлюсь, мол, с мужчиной среднего роста, молодым, с обыкновенной внешностью, можно с непокорным чубом, торчащим в разные стороны, и маленькими смешными усиками, с большими глазами, никогда не хамящим, культурным. Вредные привычки допускаются в определённой степени. Заботливым, верным, любящим, нежным... Стоп! Это же вылитый мой сосед Шурка. Так вот мой идеальный мужчина!»

– А про идеальную женщину есть сочинение? – спросила тихо Вика, сидящая на последней парте около окна. – Хорошо бы сразу и про женщин услышать, а потом сравнить.

Николай Гаврилович улыбнулся, наверное, догадавшись, что об идеальном мужчине написала она.

– Есть и об идеальной женщине. Давайте прочитаю и его.

«Вопрос поставлен, как сказал бы мой отец, некорректно. Идеальных что женщин, что мужчин в нашем человеческом психологическом плане не бывает. С другой стороны все творения природы созданы идеально. Даже если мы видим в ком-то изъяны, то это лишь с нашей точки зрения, а с точки зрения бытия всё в мире целесообразно, а потому идеально. Однако мы всё же не любим всех подряд. Кто-то нам нравится, а кто-то нет. Стало быть, мы можем рассматривать идеальность относительную. Тема так и озаглавлена «Моя идеальная женщина». Однако мужчина может вполне полюбить и такую женщину, которая совсем не кажется ему идеальной. Не зря же в народе ходит поговорка «Любовь зла – полюбишь и козла». Любовь – чувство трудно объяснимое. Она рождается не в голове, а в сердце. Как только девушка начинает обсуждать, за что она любит парня, это уже мало похоже на любовь, скорее напоминает расчёт. Сегодня, к сожалению, у нас по телевидению и повсюду говорят именно о любви по расчёту, предлагая даже составлять брачный договор или контракт. Это, на мой взгляд, ужасно. Это деградация большого чувства.

Да, у меня есть представление о женщине, которую я хотел бы видеть рядом с собой. Но я отнюдь не думаю, что она должна быть идеальной. Хочу ли я, чтоб она была пухленькой или худой, не знаю. О красоте нечего говорить, ибо это понятие вовсе относительное. Если действительно любишь человека, то он или она будет казаться самым красивым. Ведь красота женщины – это не только губы в помаде или наклеенные ресницы и ногти. Оно, конечно, неплохо, но важно ещё видеть что-то в глазах, а не нарисованные брови сверху. Не хотелось бы, чтобы моя милая курила и сосала банками пиво. Абсолютно исключая для себя возможность слышать от неё мат. Просто потому что мат я органически не перевариваю и с теми, кто пользуется им прилюдно, вообще не имею дела. Человек должен уметь быть культурным. Но самое главное, я хочу видеть в ней своего единомышленника, соратника в делах, когда мы можем смело положиться друг на друга.

И всё же, какая женщина войдёт в мою душу, сказать не берусь. Но представим себе на минуту, что какая-то женщина и какой-то мужчина волею обстоятельств оказались на необитаемом острове, где всё есть, кроме других людей. Не сомневаюсь ни секунды, что они полюбят друг друга, какими бы они некрасивыми ни были. То есть полюбить можно каждого, если хочешь или вынуждают обстоятельства. А все семейные разлады и разводы происходят чаще всего по причине наличия выбора. Так, во всяком случае, я считаю. Идеальной будет та женщина, которую я полюблю со всеми её недостатками, не выбирая головой, а почувствовав сердцем, что просто не могу без неё и очень хочу сделать её счастливой».

Николай Гаврилович откинулся к спинке стула и сразу послышалось:

– Это проф написал.

– А кто же ещё?

И раздался тихий вопрос Вики:

– А если она, твоя любовь, будет любить другого, что ты сделаешь, Проф?

– Если ей хорошо с другим, я не стану ей мешать. Ведь я люблю её, а не себя, и не могу позволить вмешиваться в её жизнь. Такое у меня, понимаешь, Вика, отношение.

– Я поняла, – прошептала Вика, но в классе было так тихо, что все услышали. – Спасибо тебе, – добавила она громче.

Володя сидел впереди, но говорил с Викой, не оборачиваясь:

– За что?

– За то, что ты написал лучше меня.

– Во как! – воскликнул Николай Гаврилович. – Признаёшь его победу. Молодец!

– А мы все признаём. Это же Проф. Он всё знает. – Отозвалось несколько голосов с парт.

– Однако у нас не конкурс, а диспут. Мне хотелось услышать ваши мнения и узнать, какие вы тут. Узнал. Вы мне понравились.

– А я сам себе не нравлюсь, – заявил вдруг Володя и встал, продолжая. – В мои годы Моцарт успел написать две оперы и серенады, физик Ландау уже учился в университете, готовясь к открытиям, Аркадий Гайдар защищал советскую власть и командовал батальоном, герои его книги тимуровцы нашли себе полезное дело во время войны. А что мы делаем? Мы знаем обо всём, что происходит в мире – информации предостаточно, хотя многие принципиально не читают газет и не смотрят телевизор. Чего мы хотим на самом деле кроме банки пива или кока-колы да роликовых коньков?

Вот вы прочитали сегодня наши мысли. Они вам понравились. Да, мы любим своих матерей, любим футбол, я ещё и боксом увлекаюсь, но как же этого мало! Наверное, кто-то из девочек написала, что мечтает стать моделью, ведь за это много платят. Другие хотят стать бизнесменами, как Абрамович и Березовский. А написал ли кто-нибудь, что хочет изменить мир? Мечтает ли кто-то из нас пожертвовать собой ради науки, ради спасения людей? Все сегодня хотят денег, потому что по их количеству в банках сегодня уважают. Людей с большими счетами показывают по телевизору, о них пишут, они занимают высокие посты. Вот о чём надо, по-моему, писать и говорить.

Запальчивое выступление кончилось, и Володя сел, подперев голову кулаками, но вдруг опять вскочил с неожиданным вопросом:

– Вы узнали о нас, Николай Гаврилович. А мы о вас фактически ничего не знаем. Вы же были пионером и комсомольцем. Что-то делали?

Учитель поднялся из-за стола.

– Хорошо я скажу несколько слов о своей юности. Меня приняли в комсомол в седьмом классе, когда мне было четырнадцать лет. А вы, кстати, знаете, как расшифровывается слово «комсомол»? Поднимите руки, кто знает.

Все молчали. Ни одна рука не поднялась. Николай Гаврилович изумлённо поднял брови.

– Раньше невозможно было представить, чтобы кто-то не знал, что комсомол – это коммунистический союз молодёжи. И первое, о чём я спросил своего комсорга, то есть комсомольского организатора, после того, как нас утвердили в горком комсомола, это, что делать? Но вы, наверное, даже не знаете, что означает слово «горком». Это расшифровывается как «городской комитет». Были такие и в партии и в комсомоле. В районе были райкомы, в области – обкомы, в краю – крайкомы, а дальше уже шли центральные комитеты республики и союза. Такая была структура.

И мы все, только что вступившие в ряды комсомольцев, пошли по городу собирать ненужный валяющийся металлолом. Ходили по дворам, пошли на берег моря, а я жил в приморском городе. Всё, что валялось бесхозным, собирали и относили в школу. Так делали и

комсомольцы других классов. Собирали и макулатуру. В те годы почти каждая семья выписывала много газет и журналов. Читать все любили. А что делать с кипами газет? Журналы многие подшивали и хранили всю жизнь. А газеты пачками отдавали нам, пионерам и комсомольцам. Потом в школу приезжала машина, мы грузили металлолом и макулатуру, сдавали, а на деньги, которые получали за это от приёмных пунктов купили для школы киноустановку а потом и инструменты для духового оркестра. Так и город очищали от мусора, и школе помогали что-то приобрести. Сегодня ведь все школы с родителей учеников деньги берут. Раньше такого не было.

А потом, после службы в армии меня взяли на работу инструктором в горком комсомола. Только, как говорится, не совсем обычным. Необычность моя заключалась в том, что я любил живую комсомольскую работу – организацию соревнований, вечеров отдыха, комсомольских дружин. Я был начальником городского штаба комсомольского прожектора, который находил и освещал недостатки в хозяйственной работе города. Мы целыми комсомольскими отрядами ходили по магазинам, разбивались на маленькие группы, покупали продукты, а получив сдачу, доставали удостоверения членов комсомольского прожектора и проверяли вес полученного товара и насколько нас обсчитали. Разумеется, многие продавцы работали честно, однако немало попадалось и тех, кто регулярно обсчитывал и недовешивал. На таких обманщиков мы составляли протоколы. Вскоре после наших рейдов в городе все продавцы стали бояться молодых покупателей, так как протоколы мы сдавали в горторгинспекцию, которая имела право снимать с работы на основе наших документов.

Мы много интересных мероприятий устраивали. Но что я не любил, так это бюрократию, бесконечные сборы цифр и отчётов, за которыми иногда забывали живую жизнь. Однажды я выступил на городском пленуме комсомола и раскритиковал работу первого секретаря, который и грубо себя вёл с комсомольцами, и всё внимание уделял только отчётам, подгоняя нужные для вышестоящего руководства цифры. Меня после этого выступления отстранили от всех комсомольских дел и отказались дать рекомендацию в партию. Я написал письмо в «Комсомольскую правду». Приехала молодая корреспондент и опубликовала статью «Правда для узкого круга», в которой полностью поддержала моё выступление. После этого секретаря горкома комсомола сняли с руководства, а меня приняли в партию. Вот что означало быть настоящим комсомольцем. И таким был не только я, хотя сегодня только и говорят о том, что раньше не было никакой критики.

В это время и прозвенел звонок.

– Ну, что же? Все вы сегодня говорили хорошо, – несколько растерянным голосом сказал учитель. – Продолжим на следующем уроке.

Обо всём этом вкратце и рассказал крепыш Володя майору. И завершил такими словами:

– В тот вечер после уроков мы собрались впятером на набережной. Сначала покатались на роликах, потом сели на скамеечке и вспомнили о том, что обсуждали на уроке литературы. Вика попросила меня придумать что-то хорошее, чем можно заняться. Ну, я и придумал создать самим нравственный патруль. Решили начать бороться в школе с руганью, курением и прочим. Обсудили у себя в классе на собрании. Все согласились наводить порядок в школе. Я написал об этом заметку в виде объявления в нашу стенгазету. В члены нравственного контроля стали записываться и из других классов. Но тут лето подошло и всё пока остановилось. Посмотрим, что будет в новом году. Так что сегодня в метро я по инерции этого кибера попросил уступить место женщине. Так он, гад, упёрся, а женщина чуть не упала. Вот я его и сдёрнул, а он матом на меня, пришлось кулак под нос сунуть. Вот и вся история для протокола.

Майор внимательно слушал рассказ, и, казалось, всё время хотел вставить что-то своё, едва удерживая себя. Было понятно, что ему очень интересно, и смотрел он на парня перед собой как-то по-особому. Теперь он сказал:

– Ты знаешь, твой рассказ настолько любопытен, что меня подмывало сейчас же позвонить своей внучке и пригласить её послушать тебя. Она журналист, работает в «Московском комсомольце». Думаю, что ваш опыт с нравственным патрулём газету заинтересует. Ты не возражаешь, если я ей сейчас позвоню, а ты пока продиктуй сержанту свой адрес и домашний или мобильный телефон?

Володя не возражал и продиктовал свои данные. Майор в это время говорил с внучкой:

– Катюша, ты слышала что-нибудь об энпэшниках? Нет? Я так и подозревал. Оказывается, в одной школе создали такой нравственный патруль из школьников, чтобы следить за нравственностью у себя. Любопытно, не правда ли?.. Изобретатель этот у меня сидит сейчас... Нет, не в моём кабинете. Я заехал на Автозаводскую посмотреть, как идут дела, и как раз двух драчунов привели. Один из них и есть этот изобретатель. Решил в вагоне приструнить панка и слегка перегнул... Хочешь познакомиться?.. Попозже? Ладно, я дам тебе потом его координаты. Пока.

Майор положил трубку и кивнул одобрительно головой:

– Она тебе потом сама перезвонит, как освободится. Так что можешь идти, но не ввязывайся в драки. Ты же боксёр. Наверное, тренер предупреждал, что вам нельзя пользоваться кулаками. Хорошо ещё, что только нос разбил. Да и в этом случае этот петух мог на тебя в суд подать. Так что будь осторожнее с вашим нравственным патрулём. Но придумано хорошо. Молодцы. Желаю успехов, – и майор от души пожал руку Владимиру.

Энпэшники

Выйдя из метро, Володя посмотрел на часы. До занятия секции бокса оставался ещё час. Никуда больше успеть не мог, поэтому решил пройти в парк, посидеть на воздухе. Купил в киоске пломбир. Лето выдалось в этом году особенно жарким. Входя в парк, заметил позади себя трёх парней в чёрных брюках и тужурках с металлическими аксессуарами на груди и на бёдрах. Вся одежда на металлических кнопках. Догадался, что это тоже киберготы и подумал, что их многовато на один день. Прошёл по аллейке и сел на свободную скамью в тени высокой ели. Киберы шли в эту же сторону. Это насторожило. Народу в парке в это время немного. Рядом прохожих не было. Глянул на выход из парка, и показалось, что там промелькнул петушиный хохолок, как у Вальдемара, с которым он схлестнулся в метро. Неприятное чувство предстоящей драки охватило тело. Володя переложил стаканчик мороженого из левой руки в правую. Он был левша, что являлось всегда дополнительным неудобством противникам, привыкшим к обычным соперникам правшам.

Трое парней в одежде киберготов заметно отличались высоким ростом, что придавало им уверенность. У двоих причёски были не гребешком, а хохолками, выделявшимися на голове выбритыми боками, у третьего причёску можно было назвать бобриком, а верхняя губа обрамлялась тонкими усиками. Несмотря на жару, парни были в высоких сапогах, с висящими на них цепочками. В этом тоже было их преимущество. У Володи на ногах красовались белые кеды. На всякий случай он снял с плеча сумку со спортивной одеждой, чтобы не мешала, если начнётся драка и положил её рядом с собой.

Предчувствия не обманули. Киберы шли именно к Володе. Один из них, шедший посередине, криво улыбаясь, спросил:

– Паря, не угостишь мороженым? А то жарко очень.

Наглая ухмылка. Слегка прищуренные глаза. Сама фигура щупленькая. Из троих он выглядел самым слабым, но именно поэтому ему хотелось быть главным. Двое по бокам представлялись вроде телохранителей.

– А не подавишься? – хмуро ответил Володя, поднимаясь. – Чего пристаёшь?

Трое остановились полукругом, перегородив Володе путь к отступлению.

Средний щуплый с прежней ухмылкой пояснил суть проблемы:

– Ты чего это к нашему киберу прицепился сегодня? Думал, так тебе это сойдёт? Мы своих не сдаём, – и выкинул руку вперёд, целясь кулаком в лицо Володи.

Однако опытный боксёр, давно привыкший на тренировках и соревнованиях уклоняться от перчаток соперника, Володя был к этому удару готов, легко отбил стремившийся в лицо кулак своей левой рукой и неожиданно для стоявших соперников сделал прыжок обеими ногами назад, очутившись на скамейке, откуда мгновенно левой ногой ударил среднего парня в подбородок. Тот охнул и рухнул на землю.

В ту же секунду Володя швырнул мороженое прямо в лицо второго кибера. Оно попало ему в глаз своим холодным содержимым, что почти ослепило того, заставив зажмуриться. Против третьего, с причёской бобриком и тонкими усами, не ожидавшего такого поворота событий парня, Володя выставил в привычной манере два своих кулака. Вспомнил слова майора о недопустимости применять свою силу и сказал зло:

– Предупреждаю, что без перчаток мой удар может быть смертельным. Я один против троих. Меня вы не посадите, если что. А вон и свидетели идут, громко произнёс он, заметив в конце аллеи появившуюся парочку молодых людей.

– Ладно, мы уходим, – сказал парень с расплывавшимися по лицу следами мороженого. Он вытер глаз и наклонился поднять упавшего товарища, лёжа потиравшего подбородок. В это время резкая боль в животе оборвала на миг дыхание и заставила Володю согнуться в три погибели, едва не падая со скамьи. Это третий парень, высокий, не отличающийся атлетическим телосложением, с усиками на длинном худом лице, заметив, что внимание их врага перенесено на двоих других, выхватил из-за голенища сапога нож и ударил боксёра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.